

Поиски гармонии человека (Из истории отечественной евгеники)

В.С. СОБОЛЕВ

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия;
vlad_history@mail.ru

В первые годы советской власти в Бюро евгеники при Российской академии наук изучались закономерности и условия наследования таланта и одарённости. В связи с этим было предпринято несколько попыток проведения анкетирования в среде академических работников. Статья посвящена краткому описанию и анализу связанных с этим материалов, которые хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН.

Ключевые слова: история евгеники, наследование таланта, Бюро евгеники, Филипченко Ю.А., анкетирование учёных, документы Архива РАН.

В начале XX в. активизировалась деятельность отечественных учёных по поиску решения вечных противоречий, выраженных в соотношениях таких категорий, как сознательное и бессознательное; психофизиологическое и биосоциальное; среда и наследственность. Условия царской России и, прежде всего, влияние идеологических норм официальной православной церкви не способствовали развитию научных исследований в этом направлении. Научное осмысление новых идей и обобщение накопленного фактического материала шло недостаточными темпами. Безусловно, сказывалась и переживаемая Россией переломная эпоха — время войн, революций и мощных социальных потрясений.

Именно поэтому, на наш взгляд, только в конце 1919 г. доктору зоологии Юрию Александровичу Филипченко удалось добиться создания в Петроградском университете кафедры экспериментальной зоологии и генетики. Следует отметить, что к началу 1920-х гг. в ряде европейских столиц, например в Берлине, Копенгагене, Праге, уже были созданы достаточно крупные центры по исследованию проблем генетики (Колчинский, 2007).

Многие представители российской интеллигенции в это время ещё связывали с Октябрьской революцией возможность реализации своих давних надежд и чаяний о совершенствовании России, о коренном улучшении культурного и образовательного уровня её населения. Причем, весьма злободневными тогда являлись идеи быстрого, революционного преобразования страны и «народов её населявших».

В первой четверти XX в., соответственно, активизировалась и деятельность представителей отечественной евгеники (подробнее см.: Бабков, 2008; Фельдер, 2012; Конашев, 1994 и др.). Они искренне верили и надеялись, что можно научным, экспериментальным путём добиться возможности активно влиять на эволюцию человечества, в целях совершенствования его природы. В этой связи евгеников весьма интересовало изучение законов и условий наследования таланта и одаренности.

В связи с этим руководитель Русского евгенического общества Н.К. Кольцов в своей статье с откровенным названием «Улучшение человеческой породы» в то время

писал: «Многие социологи наивно, с точки зрения биолога, полагают, что всякое улучшение благосостояния тех или иных групп населения, всякое повышение культурного уровня их, должно неизбежно отразиться соответствующим улучшением в их потомстве и что именно это воздействие на среду и повышение культуры и являются лучшим способом для облагораживания человеческого рода. Современная биология этот путь отвергает» (Кольцов, 1922, с. 6–7).

В 1921 г., при Российской академии наук было создано Бюро евгеники. В справочнике «Наука в России» имеется следующая информация: «“Бюро евгеники КЕПС”, заведующий — Ю.А. Филипченко, доктор зоологии. Адрес: ул. Зверинская 4 кв. 49» (Наука в России, 1923, с. 128, сведения на начало 1922 г.). В те годы часто в качестве почтового адреса той или иной небольшой академической структуры указывался домашний адрес её руководителя. Дело состояло в том, что подобные научные организации не имели ни своего специального помещения, ни бюджетных ассигнований, и вся работа велась на одном, правда неподдельном, энтузиазме учёных, их любви и преданности своему делу.

В литературе по истории нашей науки встречаются иногда неточные сведения о развитии евгеники в 1920-е гг., поэтому считаем возможным дать некоторые пояснения на этот счёт. Бюро евгеники было организовано в составе Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС) при Российской академии наук. К середине 1920-х гг. в состав КЕПС входило три института: Физико-химического анализа, Платиновый, Почвенный и десять отделов. На правах одного из этих отделов КЕПС и существовало Бюро евгеники. В 1925 г. организации было присвоено новое название — «Бюро по генетике и евгенике». В 1927 г. произошла реорганизация Бюро, из его названия было изъято слово «евгеника» и появилось новое звучание: «Бюро по генетике». Несколько опережая ход событий отметим, что ещё ряд лет эта академическая структура будет существовать, претерпевая различные организационные изменения, но уже без всякого упоминания о принадлежности к евгенике (Конашев, 1994). Думаем, что данное положение было далеко не случайным и имело веские причины.

Известно, что в соответствии с первой Конституцией РСФСР, принятой V Всероссийским съездом Советов в июле 1918 г., целые сословия России были лишены ряда важнейших гражданских прав: дворяне, купцы, промышленники, священнослужители и др. Представители прорвавшейся к власти партии часто и не без гордости заявляли о том, что советская Конституция имела «открыто классовый характер». Так В.И. Ленин давал следующие чёткие объяснения введённым в стране новым «правовым нормам»: «Мы не обещаем свободу и равенство вообще <...> Это и сказано в Конституции: диктатура рабочих и беднейшего крестьянства для подавления буржуазии»¹. Таким образом, был создан новый уже «советский» класс — «лишенцы» (от выражения «лишен избирательных прав»).

В процессе укрепления тоталитарного режима социально-правовое положение «лишенцев» продолжало ухудшаться. Не только им самим, но и их детям был закрыт путь на государственную службу, к высшему образованию, в науку и т. п. Эти жестокие обстоятельства заставляли многих людей отказываться от своего прошлого. В газетах тех лет мы часто находим объявления, в которых молодые люди публично отрекались от своих родителей, при этом полагалось публично заверять общественность в том, что «никаких связей» с ними уже не поддерживается.

То есть в СССР сложилась такая обстановка, при которой происхождение и наследственность, которыми бы надлежало гордиться, тщательно скрывались и, наоборот, энергично разыскивались, а иногда и фальсифицировались данные о принадлежности

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. Соч. Т. 39. С. 424.

человека к идеологически верному и общественно-значимому происхождению «от станка» и «от сохи».

Получилось так, что господствовавшая идеология жестко и абсолютно однозначно определила лучшую «породу» советских людей — представители рабочих и беднейших крестьян. В подобных условиях крайне опасно было заниматься научной разработкой проблем совершенствования природы человека, изучать законы и условия наследования таланта и одарённости.

Некоторые историки науки связывают гонения на евгенику в СССР только с фактом распространения фашизма в Европе (см., например: Гайсинович, 1988, с. 166—167; Ермолаев, 2004, с. 58). Но, на наш взгляд, эта научная тематика пришлась «не ко двору» в СССР несколько раньше и не только в связи с данными обстоятельствами.

Тем не менее идеи евгеники в СССР официальными кругами «увязывались» с идеологией фашизма. Так, в 23-м томе Большой Советской энциклопедии, вышедшем в 1931 г., евгенике была посвящена пространная статья. В ней, в частности, говорилось, что «в СССР Н.К. Кольцов пытался перенести в советскую практику выводы фашистской евгеники. <...> Кольцов, а отчасти Филипченко солидаризировались с фашистской программой Ленца». В заключение в статье подчеркивалось, что «улучшение человеческого рода» в СССР идет иными путями, которые обеспечены условиями строящегося социализма².

В 1922 г. Ю.А. Филипченко предпринял в числе других исследовательских работ и попытки сбора анкетных данных. Была разработана специальная анкета по теме «Выдающиеся учёные», включавшая в себя 25 пунктов. Главное внимание в анкете было уделено описанию конкретных наследственных данных, сведений о родителях и ближайших родственниках. Бюро удалось собрать тогда шестьдесят одну заполненную самими учёными анкету. Все они сохранились в нашем Архиве РАН (объём их составляет 131 лист)³.

Эта первая анкета, по существу, не затрагивала параметров, характеризующих влияние социальных факторов на анкетированных учёных. Данное обстоятельство заставило некоторых учёных дать свои замечания уже по совершенствованию самой анкеты. Так, И.М. Гревс приложил к заполненной им анкете ещё и свои замечания. Учёный, в частности, отметил, что «было бы важно рядом с этим сбором материала по наследственности, возможности которой я, конечно, не имею права отрицать и исследование которой вполне уважаю, производить сбор фактов автобиографических (как сложилась личность влияниями пережитого)»⁴. При этом Иван Михайлович с твердостью заметил: «я безусловно отвергаю в своём философском понимании мира материалистическое учение о единстве физиологических и психических явлений, признаю факт самостоятельного существования “души” и лишь “временное слияние между душой и телом”».

Можно предположить, что для составителей анкеты большой интерес представляла оценка способностей самого анкетированного и его близких родственников. Например, Н.И. Вавилов следующим образом ответил на этот вопрос анкеты: «вообще вся семья, насколько знаю, способная, с резко-выраженной наследственностью способностей»⁵. Президент РАН А.П. Карпинский, отвечая на тот же вопрос, написал: «Интерес к изучению природы был свойственен многим предкам: отцу и его двум братьям. По-видимому, также и предкам матери»⁶.

² См.: Большая Советская энциклопедия. 1-е изд. М., 1931. Т. 23. С. 815, 818.

³ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее — СПФ АРАН). Р. IV. Оп. 9. Д. 3.

⁴ Там же. Л. 7—8.

⁵ Там же. Л. 5—5 об.

⁶ Там же. Л. 84—84 об.

Следует отметить, что сбор анкет был делом нелёгким. В письме Н.К. Кольцову от 28 февраля 1921 г. Ю.А. Филипченко писал:

«Я встретил мало приятное отношение, одним не до того (“Нашли время для таких анкет!”, “Надоели с этими дурацкими анкетами!”), другие считают это грубым вмешательством в жизнь, третьи (и среди них ряд громких имен, которые, действительные, “sunt odiosa”, больше всего-то они и вредят) называют это ненаучным. Впрочем, давно тут кто-то сказал, что про всякие такие дела сперва говорят, что из них ничего не выйдет, затем, что оно ненаучно, и, наконец, что всё это давно уже было известно. Чего я только ни делал — и объявления всюду вешал и вешаю, и на заседаниях выступал и выступаю, и обращения писал в разные учреждения — и вот результат: за два месяца из 2000 учёных только 250 ответили! [...] Надеюсь, что Дом учёных даст мне ещё ответов 150 (хотя я далеко не уверен в этом), кроме того, при поддержке Горького распространяю ту же анкету на Дом Искусств, а летом обследую сотрудников на Петербургской станции. Если бы мне удалось собрать 1000 ответов, вышла бы интересная работа, но не знаю, удастся ли?»⁷.

Любопытно, что несколько заполненных анкет самим Ю.А. Филипченко были отклонены и в дальнейшую обработку не пушены. Они хранятся в отдельной папке, на которой имеется карандашная запись: «Не поступившие в обработку, ибо признаны недостаточно выдающимися». «Недостаточно выдающимися» Юрий Александрович с истинно российской интеллигентностью признал и самого себя. К таким же «неудачникам» был отнесён и начальник Военно-Медицинской академии В.Н. Тонков (видимо, участие последнего вместе с В.А. Стекловым, С.Ф. Ольденбургом и М. Горьким в широко известной исторической встрече с В.И. Лениным в январе 1921 г. научного веса ему, в глазах организатора евгенических исследований, не прибавило).

Некоторые результаты первого анкетирования учёных были отражены в двух статьях Ю.А. Филипченко, опубликованных в «Известиях бюро по евгенике» (Филипченко, 1922а, б).

В 1924 г. Бюро евгеники предприняло вторую попытку анкетирования учёных, была разработана новая анкета под рубрикой «Академики». В нашем Санкт-Петербургском филиале Архива РАН сохранилось 150 этих заполненных анкет, объемом 223 листа⁸. На этот раз были учтены отдельные замечания коллег, и в анкету наряду с традиционными вопросами о родственных связях были включены пункты об образовании анкетирруемых, их трудовой деятельности.

Например, академик С.Ф. Ольденбург в самой лаконичной форме отметил главные вехи своего жизненного пути «до избрания в Академию» — «Отставлен при Университете 1885–86 гг.; читал частным образом курс санскритской грамматики 1887–89 гг.; заграничная командировка 1889 г. (26 л.); приват-доцент Петербургского Университета 1897 г. (34 г.); и.о. экстраординарного профессора Петербургского Университета 1899 г. (36 л.)»⁹.

Сотрудниками Бюро евгеники была проведена большая и результативная работа по собиранию научного материала. В этот раз были применены различные методические приёмы заполнения анкет, так как делались попытки собрать сведения и об уже ушедших из жизни учёных, о находившихся в эмиграции и т. д. Например, об умершем

⁷ Архив РАН. Ф. 450. Оп. 3. Д. 153. Л. 5. В Московском архиве автор статьи собственных изысканий не проводил, и благодарен за информацию Роману Алексеевичу Фандо.

⁸ СПФ АРАН. Р. IV. Оп. 9. Д. 4.

⁹ Там же. Л. 94.

академике-математике А.М. Ляпунове анкету прислал из Одессы его брат, тоже академик, филолог Б.М. Ляпунов¹⁰. О В.О. Ключевском сведения предоставил академик С.Ф. Платонов; он, в частности, писал в октябре 1924 г. Ю.А. Филипченко следующее: «Многоуважаемый Юрий Александрович! Винюсь: я дал Вам неточные сведения о Ключевском; его дед был дьячок, а отец — священник. <...> Об Иконникове еще ничего не нашёл. Если найду, сообщу. Искренне Ваш Платонов»¹¹. Этот архивный документ свидетельствует, с какой серьёзностью и ответственностью подходили известные учёные к проводимому Бюро евгеники исследованию.

Сотрудниками Бюро были заполнены также анкеты на академиков Н.П. Кондакова, М.И. Ростовцева, П.Б. Струве, уже находившихся к этому времени в эмиграции. А профессор В.А. Францев в мае 1924 г. прислал свою анкету из Праги.

Об ушедших из жизни учёных сотрудники Бюро находили необходимые сведения в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Евфрона, в «Русском биографическом словаре профессоров и преподавателей Петербургского университета», в других справочниках. Активно использовались и научные периодические издания, в том числе и местные. Так, малоизвестные биографические данные об историке православной церкви, уроженце Костромского края, академике Е.Е. Голубинском удалось выявить в «Известиях Костромского Научного общества по изучению местного края» за 1922 г.

Материал, полученный в результате проведённого в первой половине 1920-х гг. анкетирования, был подытожен в двух статьях сотрудников Бюро (Лепин и др., 1925; Филипченко, 1925)¹² и частично использован Ю.А. Филипченко в его известных трудах, вышедших в свет в последующие годы (Филипченко, 1926, 1927–1928, 1929).

Литература

Бабков В.В. Заря генетики человека: Русское евгеническое движение и начало генетики человека. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 799 с.

Гайсинович А.Е. Зарождение и развитие генетики. М.: Наука, 1988. 424 с.

Ермолаев А.И. История генетических исследований в Казанском университете. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. 176 с.

Захаров И.А. Демографическое и генеалогическое изучение российских академиков (результаты старого исследования Ю.А. Филипченко и сотрудников) // Генетика. 1999. Т. 35. № 10. С. 1317–1321.

Колчинский Э.И. Биология Германии и России-СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века: между либерализмом, коммунизмом и национал-социализмом. СПб.: Нестор-История, 2007. 637 с.

Кольцов Н.К. Улучшение человеческой породы (Речь на годичном заседании Русского евгенического общества 20 окт. 1921 г.) // Русский евгенический журнал. 1922. Т. 1. Вып. 1. С. 1–27.

Конашев М.Б. Бюро по евгенике // Исследования по генетике. 1994. Вып. 10. С. 22–28.

¹⁰ СПФ АРАН. Р. IV. Оп. 9. Д. 4. Л. 4–4 об.

¹¹ Там же. Л. 90–91 об.

¹² Полученный в результате этих публикаций статистический материал был частично проанализирован Н.Н. Медведевым (2006), И.А.Захаровым (1999); Е.Б. Музруковой и Р.А. Фандо (2007). К этим статьям мы и отсылаем читателя за более подробными сведениями, ограничившись обзором архивных материалов.

Ленин Т.К., Лус Я.Я., Филипченко Ю.А. Действительные члены б. императорской, ныне Российской Академии за последние 80 лет (1846–1924) // Известия Бюро по евгенике. 1925. № 3. С. 3–82.

Медведев Н.Н. Юрий Александрович Филипченко: 1882–1930. М.: Наука, 2006. 230 с.

Музрукова Е.Б., Фандо Р.А. У истоков отечественной генетики человека: первые евгенические работы Ю.А. Филипченко и А.С. Серебровского // Вестник Российской Академии наук. 2007. Т. 77. № 3. С. 250–260.

Наука в России. Научные работники Петрограда. Вып. 3. М.-Пг., 1923.

Фельдер Б.М. Расовая гигиена в России: Е.А. Шепиловский (1857–1920) и зарождение евгеники в Российской империи // Историко-биологические исследования. 2012. Т. 4. № 2. С. 39–60.

Филипченко Ю.А. Статистические результаты анкеты по наследственности среди учёных Петербурга // Известия Бюро по евгенике. 1922а. № 1. С. 8–21.

Филипченко Ю.А. Наши выдающиеся учёные // Известия бюро по евгенике. 1922б. № 1. С. 22–38.

Филипченко Ю.А. Интеллигенция и таланты // Известия Бюро по евгенике. 1925. № 3. С. 83–96.

Филипченко Ю.А. Наследственность. 3-е изд. М., Л., 1926. 280 с.

Филипченко Ю.А. Частная генетика. Ч. 1–2. Л., 1927–1928. 240 с., 279 с.

Филипченко Ю.А. Изменчивость и методы её изучения. 4-е изд. М.-Л., 1929. 275 с.

The search for the harmony of man (From the history of Russian eugenics)

VLADIMIR S. SOBOLEV

Institute for the History of Science and Technology named after Sergey I. Vavilov,
St. Petersburg Branch, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia;
vlad_history@mail.ru

In the first years of the Soviet authority in the Bureau of Eugenics at the Russian Academy of Sciences the laws and conditions of the inheritance of talent and endowments were studied. In this connection, the author investigated interviews of some of the academic workers in this environment. The article is devoted to the brief description and the analysis of materials connected to this research and kept in the St. Petersburg branch of Archive of the Russian Academy of Science.

Keywords: history of eugenics, inheritance of talent, the Bureau of Eugenics at the Russian Academy of Science, Filipchenko Yu.A., questioning in the scientific environment, documents of Archive of the Russian Academy of Science.